

БОБЫЛКА

Ольга ШОРИНА

18+

Ольга Шорина

Бобылка

«Автор»

2013

Шорина О. Е.

Бобылка / О. Е. Шорина — «Автор», 2013

ISBN 978-5-532-12477-6

Инна Зернова живёт вместе со своей властной матерью-вдовой. У них "до сих пор не разорвалась пуповина". После смерти матери Инна становится изгоем: все гонят её, шпыняют, боятся заразиться горем. У Зерновой нет друзей, любви, образования и работы. Единственная её отдушина - церковь детей Божьих. Но Инна пытается безуспешно примирить две враждующие цивилизации: американский протестантизм и русское православие. Но она так и не смогла сделать свой выбор, потому что "посреди трёх дорог мы всегда выбираем все три" (Денис Майданов). Для обложки используется фото автора. В книге упоминаются в негативном ключе лица нетрадиционной сексуальной ориентации.

ISBN 978-5-532-12477-6

© Шорина О. Е., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1. Крик	5
Глава 2. Венчание с кошмаром	15
Глава 3. Закопают – станет легче	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Шорина

Бобылка

Глава 1. Крик

*Как черна беззвёздная ночь,
И никто мне не может помочь!
Над землёй погребальный звон – как стон.
Офицер прохрипит приговор,
И палач передёрнет затвор,
И растает во мгле через миг мой крик.
Юрий Шевчук, «Ночь».*

Настал декабрь, а снег так и не выпал.

В самом начале зимы матери Инны Зерновой, Анастасии Владимировне, исполнялось сорок девять лет. Женщина вот уже десять дней никуда не выходила, и её последней связью с внешним миром оставалась единственная дочь Инна, двадцатилетняя старая дева, с которой она обращалась как с рабыней. За день до именин мать поручила ей закупить продукты для праздника.

«Господи, – в ужасе думала Инна, – ну зачем нам делать стол, если никого у нас нет, никто к нам не придёт?!»

В последний день ноября, вечером, Инна долго ходила по магазинам. Взяла водку «Виноградовъ» 0,7, куриные кармашки с шампиньонами, бочковую селёдку, гавайскую смесь. А про рыбу забыла. Как же мать на неё орала:

- Сука ты! Я есть хочу! Ты почему рыбу не купила? Издеваешься?
- Хорошо, я сейчас пойду и куплю.
- Не нужна мне твоя рыба! Сама её ешь!

Инна уже в который раз за эту страшную осень подумала: если она ещё хоть раз наорёт на меня, то я отправлю её в Дом престарелых. Только ждать до материнской пенсии ещё долго, целых шесть лет. Да ещё и комнату её государству отдать придётся. Просто как профессор Преображенский: «Если ты хоть раз оскорбишь доктора или меня, тебе влетит».

Её мать, молодая женщина, сколько Инна её помнила, как старая бабка, целыми днями пропадала у углового окна в большой комнате, обсуждая увиденное, как сериал. А сама Инна сидела в маленькой, откуда мать её постоянно дёргала.

– Ты деньги там, что ли, считаешь? – крикнула мать. – Опять дефолт обещали, и я очень рада, что такие сволочи, как ты, всё потеряют!

Все эти полторы недели мать постоянно обвиняла Инну в подсчёте денег, которых у неё просто не было!

Каждые выходные Инна ставила у окна неудобный стул, и, портя глаза и ломая спину, запоем читала кровавые женские детективы, – Дарью Донцову, Юлию Шилову, Марину Серову. Она не покупала их, брала в библиотеке. Так она «уходила в параллельный мир» от кошмаров своей жизни.

- Вот ты всё читаешь, – попрекала мать, – а на меня тебе плевать!
- А что мне ещё делать?! – кричала Инна. – Козой перед тобой скакать?! Сиди тут с тобой, как в тюрьме! Всю жизнь ты мне искалечила!
- Сука, ещё раз на меня голос повысишь, я тебе череп расшибу!
- А может, мне замуж выйти?

Всё это был блеф. У Инны никогда не было парня, и она ещё ни разу в жизни не целовалась, даже в щёчку.

– А кто мне хлеба тогда принесёт?! – заголосила мать.

И Инна подумала, что мать всё сделала для того, чтобы о ней никто не вспомнил.

– Хорошо, тогда мы с моим мужем будем жить здесь, – пообещала она.

– Чтоб мне никого здесь не было!!! – взревела мать. – Неужели ты сможешь оставить меня одну?!!

Инне было страшно представить свою совместную жизнь с её капризной и вздорной матерью. Впереди она видела лишь полный мрак, нищету и одиночество, будто они жили в глухой тайге, в ветхом домике, заваленном снегом. Анастасия Владимировна же собиралась встречать грядущую нищету во всеоружии:

– Ты сделай запасы, купи впрок муки, макарон, гречки, риса, – всё, что не портится, – как старушка, озадачивалась она. – И ещё возьми баночку, уложи туда петрушку, укроп и перетри с солью, – будет на зиму.

Всё это было более чем странно: мама Инны никогда ничего не закрывала, говорила, что там один ботулизм.

В пятницу, в день рождения матери, Инна встала поздно. Снега по-прежнему не было. Блёклое, какое-то туберкулёзное солнце, просилось в окно. Даже страшно как-то: по календарю – зима, а пейзаж – апрельский.

Инна что-то очень долго умывалась в их нищем, обшарпанном санузле, где никогда не было толкового ремонта. Грязной, засаленной клеёнке с карточными тузами исполнилось уже двадцать лет. А над ванной обвалилась разномастная плитка, – голубая, зеленоватая, и цвета кофе с молоком, с кленовым листком. Это второй муж матери, Иннин отчим, пьянь безрукая, налепил её напополам с соседом, когда она ещё училась в школе. Зеркальце с трогательным медвежонком и горшочком мёда. Болтается лампочка Ильича на длинном проводе, пол из точно таких же плиток, как на лестничной площадке, от застройщика ещё.

Когда Инна вышла из ванной, мать высказала ставшее уже традиционным:

– Почему так долго? Издеваешься?

И Инна не обратила внимания, что у матери ещё со вчерашнего дня изменился голос.

И вдруг её мама расплакалась. Это было так же страшно, как в детстве, когда трёхлетняя Инна разлила спрятанный от скандальной бабушки под бельём в шифоньере, флакончик духов в узорчатой коробочке. Да, так жутко: мама плачет!

Анастасия Владимировна села в большой комнате за обеденный стол, купленный ровно двадцать лет тому назад, разделявать селёдку. Ловко вытянула все рёбрышки, сбрызнула, как слезами, уксусом. А Инна печально подумала: зря она, никому не нужна её селёдка.

– Меня Галька поздравила! – похвалилась мама. – И Надежда Васильевна! И я им похвталась, что мне на один воробьиный скок стало лучше!

После смерти мужа, а случилось это четыре с половиной года тому назад, Анастасия Владимировна... совершенно перестала потеть, то есть вся «отработанная вода» оставалась в её организме. А год назад на её левой икре открылась незаживающая трофическая язва, из которой денно и ночью сочилась мутноватая жидкость. После работы и по выходным, включив телевизор или «Милицейскую волну», мама Инны садилась за столом у окна, поставив изуродованную неизвестной болезнью, багрово-фиолетовую, распухшую, как подушка, ступню, на толстую газету, которая за час промокала насквозь. Весь линолеум был в не выводимых матовых пятнах. И вот сегодня вода вдруг перестала сочиться, зато на голени открылась новая рана, ещё сухая.

Инна быстро приготовила минтай под гавайской смесью, забыв положить в неё кусочек сливочного масла, что, впрочем, было не так уж и важно. Зачем-то сказала об этом матери, и та с лютой ненавистью её обматерила. А потом пришла в себя, одумалась и сказала:

– А я думала, что ты её без масла пожарила, на голой сковородке.

И Инна уже в который раз в ужасе подумала, как вскоре они будут вдвоём похоронены под снегом в своём беспросветном одиночестве, старая дева и вдовица.

В три часа дня явился Виктор Владимирович Никодимов, женатый любовник матери. Они родились на одной улице, но в детстве не дружили и не общались, встретившись во взрослой жизни на работе. Пришёл вообще без подарка, даже символического. Инне на день рождения "друг семьи" всегда смущённо дарил три красные гвоздички и тортик. Он был очень жадным, приносил лишь какие-то йогурты, пресный зелёный виноград. Инна не помнила от него никаких подарков матери, кроме компактной пудра с рынка на рисовой муке, «хорошая, но очень белая».

Дядя Витя сказал, что хотел подарить Насте её давнюю мечту, современную не пригорающую сковородку, но его смутила цена – девятьсот рублей. Так что по-прежнему обходитесь жуткими чугунами. А может быть, он просто чувствовал, что новая сковородка Анастасии больше не понадобится?

Недавно мать трясла у Инны перед носом коробочкой с золотом и причитала:

– А это мы с тобой продадим, когда нам вообще есть нечего будет!!!

Видно, что она совершенного не рассчитывала на помощь своего близкого человека.

Инна, как всегда, не села за «праздничный стол», до того ей надоели за столько лет одни и те же люди, лица. Её мать, как ни странно, считала это нормальным: «Ребёнку скучно со взрослыми!»

Мама сказала:

– Хороший день рождения.

«Что же тут хорошего?! – поразила Инна. – Просто ужас!»

Все её родственники были из тех несчастных, у кого «включился механизм самоуничтожения». Её дед, Владимир Сергеевич, говоривший только о своей скорой и неизбежной смерти и накликавший её, отчим Владимир Иванович Стаканов, в подтверждение фамилии хлеставший водку, как воду («Насть, один раз живём!»), и задушившая своим эгоизмом и социофобией мать. Только бабушка, Анисия Андреевна, одна из их мрачной семейки любила жизнь и тянулась к свету, но и её ударила в мае пыльным мешком из-за угла ужасная болезнь.

Двадцать лет тому назад у них ещё бывали застоля, гости: родственники и друзья отчима с жёнами, подруги матери с мужьями. Но потом все они как сквозь воду канули. Может быть, просто чувствовали, что Володя и Настя – люди пропащие, и затянут их в какую-то чёрную дыру, откуда нет возврата?

А маленькая Инна очень любила их семейные праздники, когда полированный обеденный стол отодвигался от стены, а по телевизору показывали Красную площадь и Горбачёва на трибуне. Но как-то на 7 ноября Инна сама отодвинула стол, ожидая бабушку, но на неё наорала мать:

– Зачем? К тебе гости, что ли, придут?!!

А отчим голосил весь вечер:

– Дочка твоя сегодня стол отодвинула! Кто ей позволил!

– Володь, но ведь для неё это – праздник! – как бы заступалась мама.

А потом они отмечали уже по-другому: в большой комнате – жёлтые занавески в тоненькую красную клетку, на телевизоре – вазочка с гвоздиками. В магнитофоне – ненавистные записи Михаила Звездинского, Михаила Шуфутинского и Вячеслава Добрынина. И Инне казалось, что так будет всегда: клетчатые занавески, красные гвоздики.

Когда дядя Витя уехал домой на такси, мама Инны совершенно беззлобно сказала:

– Только на Новый год я тебе уже такой стол устроить не смогу, – у меня денег нет.

«А мне и не нужно, – подумала Инна. – Что друг на друга глядеть?»

Так всегда говорила её мать, когда бабушка захотела дружной и крепкой семьи.

В шесть лет девочка мечтала: вот пойдёт она в школу, подружится со всем классом, как в детских фильмах и книжках, и каждую новогоднюю ночь они будут водить у неё дома хоровод вокруг ёлки! Но в её классе никто не дружил, да и не вместились бы тридцать человек в одну комнату, это же не Дворец пионеров!

Инна вспомнила, как в последнее время её бабушка хотела «настоящий» Новый год, всё просила купить и сдать ей на хранение «праздничные» продукты:

– Купи киви, бананы, грудиночку.

Бабушка обожала «китайский крыжовник», "витаминную бомбу", а Инна была к киви равнодушна. А бананы вообще терпеть не могла, хотя очень любила сладкое. В детстве их ещё как-то ела, они были такие загадочные, зелёные, их держали, как пленников, пока не пожелтеют, в гардеробе под платьями.

Инна купила тогда гроздь бананов, корзиночку мохнатых киви и томаты «Коррадо» в собственном соку. Отдала покупки бабушке, та их спрятала, потом выдала. Жаль её было очень. Бананы она держала в холодильнике, где они почернели. Это же не хурма, которой всё во благо, и тепло, и холод.

– Инка же привыкла хорошо жить, когда стол ломится, – грустно сказала мама бабушке.

Для неё «хорошую жизнь», как для безгласного животного, символизировало обилие пищи.

Чем позднее становилось, тем меньше Инне хотелось спать. Уже два часа ночи, а гора посуды не мыта. И зачем вообще готовить, если нет гостей? Инна нехотя принялась за дело, как вдруг в комнате упало что-то тяжёлое.

Её мама сидела на полу у своего вдовьего ложа, – назвать диваном эту полуразвалившуюся софу язык не поворачивался. Во сне она скатилась на пол и теперь не могла встать. Инна решила, что мать сильно пьяна, поэтому у неё и нет сил. Мать тут же принялась поливать её бранью и оскорблениями:

– Сука ты! Почему ты не пришла, когда я тебя просила?

– Я не слышала, я посуду мыла.

– Падла ты! Тебе посуда дороже человека! Пошла вон!

Но она снова позвала Инну:

– Если я просижу так всю ночь, то у меня будет отёк лёгких. Надо было поднимать меня сразу, а сейчас у меня отекли коленки...

Но Инна не смогла даже на сантиметр сдвинуть её с места. В последнее время мама почти ничего не ела, но весу набрала сто двадцать килограмм!

«МЧС можно вызвать, но сколько они сдерут?» – подумала Инна. Все их деньги ушли на эти идиотские продукты.

Этот кошмар случился два года тому назад. Инна ушла вечером за покупками, – мама уже никуда не ходила, у неё не двигались ноги.

– Хочу пельменей! – капризно сказала она.

Инна набрала тогда целую сумку. Она уже давно не брала эту сальную мерзость, разве только ravioli, а сегодня выбрала какие-то перчёные «малютки». Когда она уходила, мать всегда запирала дверь на задвижку и отпирала на звонок. Но сколько в этот вечер Инна не трезвонила и не стучала, ей никто не открывал!

Своего сотового у Инны ещё не было. Она выскочила на улицу, – в их угловом окне ярко светил торшер.

Инна добежала до переговорного пункта на площади. Мать свою «трубу» не взяла.

Тогда Инна помчалась на свою временную работу, – она принимала и раздавала под расписку агитаторам предвыборную макулатуру. В партийном штабе, в колясочной многоквартирного дома, был проводной телефон. Там Инна позвонила в МЧС, – их тогда везде рекламировали, как панацею от всех бед. Но приятный тенор устало сказал:

– Чтобы попасть в вашу квартиру, нужно альпинистов вызывать. Вызов стоит пятьсот рублей, – для вас это, конечно, дорого.

И почему диспетчер счёл её нищей, – по голосу, что ли? Но он оказался прав: в 2003 году для некоторых пятьсот рублей составляли половину зарплаты!

У матери Инны подруг не было, ни одной! Она добровольно приняла на себя такое монашеское затворничество. Женщины с её работы к ней тянулись, приглашали к себе в гости, на праздники, но мама говорила:

– Да я лучше дома посижу, ноги вытяну!

Но зато любила причитать:

– Ни друзей у нас, ни родственников! Как нам жить в этом одиночестве?!

Только кадровичка Марина Павловна держалась до конца. Анастасия Владимировна поступала с ней, как неблагодарная свинья, хвастаясь:

– Маринка мне всегда печенья дорогие оставляет, а мне – плевать на неё!

Зато когда бабушку на сутки разбил паралич, мама позвонила Марине Павловне поздно вечером, попросила прийти, а то она сама боится.

– Мы бы с тобой не смогли войти сюда! – причитала она.

И Инна позвонила Марине Павловне, у которой оказалось роскошное контрольно.

– А может быть, она тебя пугает? – Она оказалась пьяна.

Марина Павловна (за красные волосы её прозвали Мальвиной, хотя та, как известно, девочка с голубыми волосами) слыла светской львицей. По счастью, она не знала, что дочь сотрудницы живёт в заточении, как кавказская женщина, – иначе её на смех подняла бы. Марина Павловна тоже стала названивать на мамин сотовый, и тоже без ответа. А Инна по совету МЧС позвонила в нашу доблестную милицию, где дежурный цинично ей ответил:

– Ломать двери – милиция этим вообще не занимается. Вызывайте МЧС. Если мы понадобимся, то мы приедем.

И Инна снова попросила «министерство чрезвычайных ситуаций» сломать их железную дверь. Как они потом будут жить без двери, она об этом как-то не подумала.

– Ждите через час, на Лётном повороте авария, а машина у нас одна, – всё также недовольно сказал дежурный.

Когда же Инна добралась до дома, во всех окнах радостно горел свет, дверь оказалась не заперта, а в прихожей стояли Марина Павловна и Татьяна, дочь их бывшего директора, для которой она всю жизнь была чем-то вроде гувернантки.

Мама сказала, что заснула, поэтому ничего не слышала.

– Зачем ты им звонила? – возмущалась она. – Что теперь про меня люди скажут?

Приехали два добрых молодца из МЧС с чемоданчиком инструментов, – ломать дверь. Пришлось заплатить им за ложный вызов двести рублей, – достаточно много по тем временам.

– Вот тебе жениха бы такого! – раз мечталась мама. – И как ты с ними говорила хорошо!

Они с бабушкой считали Инну за полную debilку. Если Инна разговаривала с посторонними или дядей Витей, что бывало редко, бабушка махала на неё руками: «Молчи! Молчи!» И Инна платила им тем же, в ужасе представляя, что когда-нибудь их придётся с кем-то знакомить.

Так они прокуковали всю ночь. Мама снова прицепилась к бабушке, умершей в этом году от правостороннего ишемического инсульта:

– Она сломала мне жизнь! Она хотела, чтобы я стала поваром! Это из-за неё у нас с тобой никого нет!

Инна удивилась, что её мать опять поставила забытую старую пластинку. Из многочисленных «подруг» бабушки к ней на похороны пришла лишь Раиса Дмитриевна, с которой они много лет проработали в одной аптеке, только бабушка – мойщицей посуды и ампул, а её

подруга – в ручном отделе. Инне тогда обожгли глаза её ядовито-голубые ботинки на шнурках. Раиса Дмитриевна подошла к ним с матерью и запричитала:

– Одни вы теперь остались!

– Совсем эта бабка из ума выжила! – возмущалась потом мама. – Живут же люди одни, и неплохо!

– Но ведь она теперь умерла, и, причём очень страшно, – напомнила Инна. – Восстанови теперь, если тебе так важно, отношения со своими ненаглядными родственниками!

– Нет, – упрямо, как капризный ребёнок, сказала мама, – всё порушено. Из-за чего стоило так ругаться?

Мать почему-то забыла, как сама разрушила отношения своего второго мужа уже с его родственниками, устраивая ему дикие скандалы: «Ты думаешь, что ты им нужен?!» А отчим был им нужен, его искали, как потом выяснилось, через местный сайт «Жди меня»!

Только когда совсем рассвело, им удалось дозвониться до Никодимова. Он приехал, и худой, жилистый, смог поднять мать Инны с пола и уложить на софу. Инна при этом вышла из комнаты.

Никодимов уехал, мама задремала, и Инна уснула поперёк уже своего раздолбанного дивана. Они же с матерью всю ночь не спали. А проснувшись, Инна вдруг почувствовала, что что-то поломалось, и никогда уже не станет таким, как прежде.

Мама тихо пролежала весь день, а когда Инна вечером ушла, не позвонила ни разу. Это было очень странно: стоило Инне переступить порог, как её телефон тотчас же, на потеху окружающим, раскалялся от звонков.

Снег так и не выпал, природа тяжело болела.

Наверное, мама думала, что Инна уходит по вечерам к мужчине, которого стыдно показать, – инвалиду, алкоголику, наркоману, ненормальному, старику или нерусскому. Она чуть ли не за шкуру ей хватала, хотя Инне приближалось к тридцати:

– Где-ты-бы-ла?! Что, так трудно сказать? Мам, я была у Таньки, была у Маньки!..

Но Инна не знала ни Танек, ни Манек, у неё даже знакомых не было, и молчала, как партизан. Узнай мать о тайном круге её общения, та устроила бы ей дикий скандал.

В воскресенье мать заметно ожила, уселась на своём наблюдательном пункте у окна, включила телевизор, который ещё совсем недавно смотреть не любила. Её настроение сменялось стремительно, она то проклинала свою «непутёвую» дочь, то жалела её.

– Совсем нечего смотреть! – сокрушалась она. – А вот ты точно такая же сволочь, как твой папа! Правильно про тебя твой Стерлядкин сказал, что ты – человек жестокий! Вот тебе жалко денег, чтобы купить мне сейчас винограду!

А ещё она произнесла страшную фразу, которую Инна отчего-то не приняла близко к сердцу:

– Я на кухню сейчас не хожу, это для меня далеко, и поэтому не знаю, что там сейчас делается! И что же это со мной такое, наверное, я над кем-то толстым в детстве посмеялась! По радио сказали: если у вас лишний вес, то вы носите за спиной мешок камней! Представляешь, Ин, я ношу на себе шестьдесят килограммов камней!!!

За окном был самый настоящий шторм, в дом стучался осенний дождь, снег выпадать не собирался. Весь день Инна никуда не выходила, – некуда было. Она чувствовала себя очень странно, в каком-то антимире.

Инна сидела под старой сиреневой лампой, уткнувшись в очередной inferнальный женский детектив в кровавой обложке: ночь, дремучий лес, две шлюхи-подруги на трассе, труп в машине, бандиты. Мрак, полный мрак.

Часов в десять вечера мама стала очень беззащитной, безобидной и ласковой. Сказала:

– Давай мы с тобой переставим диван наоборот, а то я опять боюсь с него упасть.

– Мы его не сдвинем, – сказала Инна.

– Хорошо, значит, мы его переставим завтра утром. Я есть хочу, – по-детски сказала мама. – Гречневой каши. . .

Инна быстро сварила очень хорошую, отборную ядрицу, как вдруг у неё вывернулись наизнанку руки, она теперь всё могла взять только *через руку!* А вдруг у неё из-за всех смертей и скандалов что-то по неврологии, – там же такие страшные болезни!

Мама честно съела свою тарелку каши, и её тут же вывернуло наизнанку. «Наверное, водкой отравилась», – жестоко подумала Инна. Но ведь её день рождения был ещё позавчера, а вчера мама выпила немного апельсиновой фанты!

– Сегодня я буду спать сидя, – заявила мама. – Я боюсь опять упасть. Мне жарко.

В последние две недели её температура держалась на тридцать шесть и три.

– Это очень плохо, – говорила мама. – Может быть, я умираю?

– Не говори глупости! – злилась Инна.

Вскоре температура застыла на тридцать шесть и ноль. Они решили, что старый градусник сошёл с ума, и Инна купила новый, в синеньком футлярчике. Но ничего не изменилось.

В этот раз температура упала до тридцать пять и девять. Инна поняла, что про это говорить нельзя и соврала: тридцать шесть и три.

– Не выключай свет, – жалобно попросила мама. – Мне страшно. Господи, Господи. . . Ничего, ничего, – успокаивала она себя.

И придвинула к постели стул, как будто он мог бы удержать её огромное тело.

Мать и дочь всегда сидели по разным комнатам. В последнее время, если мама хотела позвать Инну, то делала ей звонок, и Инна приходила.

Было уже начало третьего ночи, кровавый детектив проглочен и напрочь забыт, а Инне не спалось. Её маленький красный телефончик стоял в серванте в хрустальной вазочке. И вдруг зеркало отразило зловещий голубой свет, как в том окне хирургического корпуса, которого Инна так боялась в детстве. При таком свете, думала она, обязательно должно происходить что-то запредельно страшное, как в концлагере. (Хотя разве кабинет гастроэндоскопии – не филиал Бухенвальда?) Может быть, ошибка, ночные телефонные хулиганы? Даже не взглянув на экранчик, Инна в панике кинулась в комнату.

Мать с десяти вечера так и сидела, положив лицо и руки на спинку стула.

– Зачем ты мне звонишь? Тебе что, заняться нечем? Дай мне покоя!!!

– Ну что ты кричишь, мне и так плохо, – укоризненно, как обиженный ребёнок, сказала мама. – Давай переложим диванные подушки, а то мне неудобно: вместо больших положим маленькие.

И Инна в ярости стала скидывать на пол многочисленные одеяла, покрывала и пледы. Она подумала, что во вторник матери к нотариусу, а она до кухни дойти не может!

– Жарко. . . – снова жалобно сказала мама.

– А вдруг это туберкулёз? – в ужасе спросила она.

– Да какой «туберкулёз», если у меня температура тридцать шесть и три! – беспечно ответила мама.

И вдруг её резко качнуло и отшвырнуло к стене. Инна, как в страшном сне, тормошила её, но мама не откликалась.

Так уже было почти четыре года тому назад. Мама в тот страшный вечер поссорилась со своим любовником, – ещё другим, Сергеем Ивановичем. Мама лежала в постели, глаза её закатились, она ни на что не реагировала. Инна трогала её холодные руки и ноги и кричала:

– Не умирай!!! Не оставляй меня с этой бабкой!!!

Но тогда, в январе 2002, мама воскресла. Что же с нею сейчас?

У углового окна светил торшер, стилизованный под фонарь в парке, а Инна бегала по уродливой синей ковровой дорожке и голосила, понимая, что теряет драгоценные минуты.

Ничего не поделаешь, надо звонить в «скорую». Как же она ненавидит этих циничных, жестоких медиков, как боится их!

В августе, сидя в отпуске, мама сказала мечтательно:

– Ты убирайся почище, а то, может быть, «скорая» приедет!..

– Что?!! – закричала Инна. – Какая ещё «скорая»?! На... она тут нужна!

А сейчас – что это? Сопор, кома, коллапс, шок? Они увезут мать в реанимацию и заставят Инну с ней сидеть. А она больше «боксов смертников» не выдержит, – хватит с неё бабушкиного инсульта! Сейчас Инна за каплю сна душу продаст!

Ни мамина серебристая "Нокия", ни Лерин красный "Эл-Джи" на позывной «03» не отозвался: «Запрос не выполнен». Она не знала, что нужен ещё один нолик в конце, 030. И тогда она решила бежать на улицу к автомату.

Инна хотела надеть свои убогие полусапожки на толстых каблуках из «распродажи» прямо на босу ногу, но словно кто-то ласково прикоснулся к ней и сказал: не паникуй, торопиться больше некуда, оденься, как следует, всё же зима.

И Инна натянула колготки, тёмно-голубые джинсы и джемпер, связанный крючком, – мышино-серый, с белой сеткой на груди, а сверху серую стёганную куртку с капюшоном, которую звала «зековской» за «квилтинг» – стёганный стиль.

За двадцать шесть лет своей беспросветной жизни Инна Зернова ещё ни разу не выходила на улицу в три часа ночи. Она удивилась, что город уже успел заткать снег.

В их дворе ослепительно светил фонарь. Дорога пуста, ни машинки. Как в том жутком кукольном мультфильме, где маленький мальчик остался один во всей Москве. И Инне тоже казалось, что она сейчас одна во всём мире. Да она и была совершенно одна на всём свете.

А вот через дорогу современный таксофон, – синий, карточный. «03», разумеется, без карты. У Инны она была, она постоянно пополняла её баланс и помнила длиннющий пин-код наизусть!

Инна впервые в жизни звонила в «скорую». Когда в мае на полу кухни она нашла бабушку с инсультом, то поручила это нелёгкое дело её подруге, соседке тёте Тане, у которой был домашний телефон. А теперь у Инны – венчание с кошмаром, никто не поможет.

Ей ответила молодая вежливая девушка с ангельским голосом, – наверное, студентка, ещё мечтающая изобрести лекарство от смерти. Обычно там отвечают злобные старые гримзы. Инна сказала:

– Моя мама что-то не двигается. Но она ещё тёплая!

В квартире за время её отсутствия ничего не изменилось. Инна поняла, что не сможет здесь находиться ни секунды, – у неё просто мозг разорвётся. И она стала ждать бригаду в подъезде, у замызганного окна с грязным подоконником.

Ей показалось, что прошла вечность. На зимней улице по-прежнему ни души, ни машинки. Но вот на пустой дороге между домами зловеще сверкнула «люстра» «скорой медицинской помощи».

На вызов приехали мужчина и женщина, – доктор по-джентльменски тащил переносной кардиограф. К пациентке они даже не подошли, спросив с порога в один голос:

– Когда вы обнаружили труп?!!

– Какой «труп», она же ещё тёплая! – закричала Инна.

– Так они не сразу остывают, – сказала маленькая и толстая фельдшер. – Вон у неё трупные пятна. И вены спавшие. Сразу видно хроническую сердечную недостаточность. Почему она не лечилась? Молодая ведь женщина!

Инне же её мать всегда казалась глубокой старухой, да и выглядела она соответственно, – редкие, похожие на осеннюю траву волосы, испорченные химическими завивками.

В лице фельдшера – обида за коллег, не получивших ни копейки денег с усопшей пациентки.

– Так я думала, что это кома или коллапс, – прошептала Инна. – Бабушка в мае от инсульта умерла, а теперь вот и мама...

– Так, той дамочке было уже, конечно, под семьдесят, – грустно подсчитал доктор, – а здесь...

– Что ж, – надменно сказала фельдшер, – дайте нам её паспорт, – мы выпишем вам справку о смерти. Одну отдадите милиции, другую оставите для похорон.

– Милицию тоже мне вызвать? – деловито спросила Инна.

Ей сейчас совершенно всё равно, что делать, главное, не быть здесь.

– Нет, мы сами вызовем. Ничего здесь не трогайте.

Увидев дату рождения, фельдшерица прикрикнула:

– Так она что, умерла сразу после своего дня рождения?!

– А что, так нельзя? – спросила Инна.

Всё вокруг неё, как в тумане. У Инны голос стал пьяным, она еле подбирает слова.

Фельдшер строго велит рассказать, как всё произошло.

– Она позвонила мне из другой комнаты...

– А вы что, разве не вместе живёте? – перебила фельдшер Исакова.

– Вместе.

– Она работала?

– Да, до конца ездила на работу.

Исакова прикрикнула:

– Вы что, хотите сказать, что она пришла сегодня с работы? Могла работать в таком состоянии?

Наконец они убираются. Баба – типичная хабалка от бесплатной отечественной медицины. А вот доктор, хоть и не русский, его фамилия – Алиев, даже, кажется, расстроился, что не смог ничем помочь. Хотя мало ли у кого какая фамилия?

Инна снова торчит в загаженном подъезде. Всё ясно. Сколько же «признаков скорой смерти» она пропустила! Преагония, агония... медленное угасание. Преагония началась с падения с дивана.

Перед смертью у человека меняется голос, появляются неожиданные увлечения, он отрекается от всего, что всю жизнь боготворил. Мама и бабушка увлеклись просмотром телепередач, бабушка уничтожила свои "кроссвордные" тетрадки. А уж её сами собой вывернувшиеся руки... Когда Инне было четырнадцать, мать сказала:

– Не наливай чай через руку, а то умрёт кто-нибудь.

За неделю между ними произошёл ужасный разговор. Видно, мать её чем-то спровоцировала, потому что Инна кричала:

– Я тебя в море брошу! Мне тебя хоронить не на что!

– А я тебе каждую ночь снится буду, я тебя с ума сведу, – как злобная ведьма, пообещала мать.

А перед сном Инна попыталась представить свою новую жизнь без матери. Есть вечерние встречи, куда ей хочется пойти, а мать не пускает, скандалы устраивает. Без матери у неё теперь будет новая, полноценная жизнь.

«Я теперь свободна! – поразила Инна своему открытию. – Я могу теперь пойти, куда захочу! Я даже могу поехать к Кате Ежовой в Можайск!»

Арендная плата за бабушкину квартиру теперь вся её, вдвоём с матерью ей грозила бы нищета. Но хватит ли ей на жизнь четырех с половиной тысяч (мать смогла сдать двухкомнатную смежную квартиру лишь по цене комнаты)? На работу её обратно Стерлядкин не возьмёт, не пожалеет, не взирая на весь свой иконостас.

Приехал участковый по фамилии Тургенев, молодой черноволосый красавец. Мама сказала бы про него: жениха бы тебе такого! Но это только в бульварных романах и сериалах у них мог бы завязаться роман при таких обстоятельствах, в жизни же всегда возрастает энтропия.

Тургенев вёл себя, в отличие от медиков, очень вежливо и корректно. Спросил:

– Собаки нет?

– Только кошки.

Милицейский включил в зале верхний свет, – наверное, сфотографировал тело. На кухне Инна под протокол рассказала ему обо всём, что случилось за последние двое суток. Тургенев записал её показания своими каракулями довольно трогательно: «И тогда я зашла к маме...» Инна расписалась: «С моих слов записано верно и мною прочитано».

Наконец-то Тургенев убрался, цинично велел ждать труповозку и оставив для неё бумагу.

Инна снова в подъезде. Третий тайм, пять часов утра, сосед Фаргат вывел на прогулку своего рыжего, как глина, и большого, как телёнок, мохнатого пса.

Этот Фаргат служил в ОМОНе, был внешне чем-то похож на Бориса Тургенева. Он всё пытался навести порядок в их подъезде, но до реальных дел у него не доходило, обрываясь на скандалах, угрозах и матерщине. Как же хорошо, что он к ней не лезет, – что это соседка делает здесь в такую рань?!

И тут Инна вспомнила, что милиционер так и не выключил люстру. Летом у них нагорало два киловатта, зимой – три.

Инна не могла заставить себя войти в комнату, где в серванте с красиво расставленными ещё советскими сервизами, безделушками и образами отражалась её мёртвая мать. И она вошла в комнату спиной, как сыновья Ноя, и потушила свет.

В половине шестого прибыли «хароны», – оба в кошмарно красных куртках. Главный попросил «бумагу и карандаш» и написал алгоритм дальнейших действий: зарегистрировать смерть в загсе; заказать в похоронной конторе гроб; получить место на кладбище.

– У неё был лечащий врач?

– Нет, она никуда не обращалась.

– Значит, тело будут вскрывать, – сочувственно сказал санитар. – У Транспортировка стоит 760 рублей.

– У меня нет с собой денег, – соврала Инна.

У неё оставалась последняя тысяча.

– Хорошо, можете заплатить потом. Нам нужно покрывало. Какое можно взять, вот это? – И протянул ручонки за самым красивым пледом, купленном ещё бабушкой, с красными и жёлтыми цветами на коричневом поле. Но Инна сунула ему самое старое и страшное, малиновое. А что они хотели? а ведь когда-то она его так любила!

Её мама при росте сто пятьдесят шесть сантиметров, весила больше центнера. Инна держала санитарам дверь, когда он выносили труп её матери. Она зачем-то опять вышла в подъезд и, прилипнув к окну, смотрела, как хароны грузили её в свою «ладью». Вернулась в квартиру и почувствовала, как в ней без тела стало легче.

– Господи!!! – закричала Инна.

Она почистила зубы и тщательно умылась томатным гелем в ультрамариновом тюбике. Потом взяла телефон и позвонила любовнику матери. Инна звонила на городской и ночью, но, то вообще не отвечали, то брала его жена.

– Дядя Витя! Мама умерла сегодня ночью!

Глава 2. Венчание с кошмаром

Мы должны быть внимательней в выборе слов,

Оставь безнадежных больных.

Ты не вылечишь мир и в этом всё дело,

Пусть спасёт лишь того, кого можно спасти

Доктор твоего тела.

Илья Кормильцев, "Доктор твоего тела".

– Да, как же так... – опешил Никодимов. – Она же в пятницу такая весёлая была... Я же собирался приехать вечером, чтобы рассказать ей, как там, на новой работе...

Никодимов был старше мамы на год. Они родились на одной улице, но в детстве не дружили, потому что маленькой Насте точно также запрещалось гулять и общаться со сверстниками, как и она не давала Инне.

Несколько лет назад дядя Витя устроился на мамино предприятие электриком. Её он не помнил, даже не верил, что они родом с одной улицы Заречной, покуда она не назвала ему все памятные места, уничтоженные во время строительства жилого массива, – Мельчинка, мелкое место на реке Клязьме. Ещё когда был жив её муж, Никодимов оказывал маме внимание, а когда тот умер, она «его взяла». Жёну свою он ненавидел, но разводиться не собирался.

В последние два года Иннина мама вообще не могла ходить, у неё почему-то не двигались ноги, ей не хватало воздуха. И любовник отвозил её на работу и с работы на своих новых «жигулях», вызывая зависть и пересуды. А мать вела себя бесстыдно: "Вдове позволено всё!"

В молодости, на северах, Никодимов очень неудачно женился, – на женщине старше себя, с двумя внебрачными детьми, которых она от него утаила. Но он не бросил её, а впрягся в воз, выращивал свиней, чтобы прокормить «чужой грех». Старшая падчерица, Наташа с киргизским лицом, гуляла и наркоманила, умерла от туберкулёза, оставив умственно отсталого сына. А сама Элла Ивановна много лет болела раком матки. Мама всё ждала, что соперница скоро умрёт, и Никодимов на ней женится, но в итоге, умерла сама. А может быть, Элла Ивановна просто манипулировала, отягощая свой недуг.

Дядя Витя приехал через полчаса. Он как раз уволился из дышащего на ладан комбината школьного питания, бывшего треста столовых, где всю свою жизнь проработала Иннина мать, и устроился на электроподстанцию. Сегодня должен быть как раз его первый рабочий день.

Никодимов стал свирепо раздумывать, где бы им взять деньги на похороны. Сам он, как поняла Инна, не собирался давать ни копейки.

– Позвони на комбинат, она же там семнадцать лет отработала, должны дать. С квартирантов сразу за два месяца возьми...

– Тогда мне будет нечего есть в январе, – сказала Инна.

– А твоя работа?

– Он частник, мне ничего не положено.

– Всё равно сходи.

Дядя Витя уехал отпрашиваться, а Инна позвонила Надежде Васильевне из отдела кадров.

Марина Павловна Будкина была моложе мамы на год. Она, как и бабушка, умерла от инсульта в мае. Женщина как-то вдруг сразу стала невменяемой, несла чушь, вообще не могла выполнять своих трудовых обязанностей. Все сослуживицы тотчас стали относиться к Марине Павловне, как к дерьму, в том числе и мать. Она говорила презрительно:

– Маринку не научили правильно работать! А эту программу мы должны закрыть с нею вместе! Отчёт сдаётся на дискетке! Представляешь?

Некоторые так и не сумели переформатировать свой бумажный мозг и с честью перейти от карточек к программному обеспечению.

– Но Танька-то как может её оскорблять! – тут же порицала мама дочь бывшего директора, работавшую вместе с ними в бухгалтерии. – Она же сопли ей вытирала, туфельки покупала...

Но оказалось, что у Марины Павловны, которую все звали «скорой помощью», страшная аутоиммунная болезнь – рассеянный склероз. Она уволилась «сидеть с внуком», но вскоре превратилась в полный «овощ». После того, как она убежала в город в ночной рубашке и тапочках, муж и дочь, люди не бедные, запихнули её, как в помойку, в отделение социальной помощи в умирающем посёлке на границе с Владимирской областью, – к старухам, от которых все отказались.

И вот в последний день весны Марину Павловну, сорокасемилетнюю женщину, разбил паралич. У неё каждый час стало отказывать по кусочку, как было и с Инниной бабушкой.

На похоронах выяснилось, что Марина Павловна – восьмой ребёнок в неблагополучной семье. Она родилась мёртвой, но ожила, а кислородное голодание спровоцировало её страшную болезнь. Все старшие братья и сёстры Марины Павловны – алкоголики.

А мать Марины Павловны умерла от инсульта. Долго лежала, и она ухаживала за ней одна. А на работе над ней издевались, принимали, – не выпавшуюся, шатавшуюся, – за алкоголичку.

Место Будкиной заняла Надежда Васильевна Лазарикова. Инна ей нравилась, она очень доверяла её мнению, даже передавала для физиогномического анализа фотографию девушки своего младшего сына, которую он привёз из Узбекистана. Девочка «свекрови» совсем не нравилась, но она всё равно заботилась о ней, как о родной дочери, делала регистрацию, везде за неё платила.

Инна написала то, что Лазарикова жаждала от неё услышать: уши, растущие от самой шеи – низкий интеллект. Надежда Васильевна была в восторге – всё сермяжная правда!

– Да, Ин, я тебя слушаю, – обрадовалась женщина.

– Надежда Васильевна, мама умерла сегодня ночью!

Очень скоро к Инне прибыла делегация: первый заместитель генерального директора Людмила Григорьевна Гайденко, бухгалтер по учёту Татьяна Викторовна Голубкина, и секретарь Оксана, старше Инны всего на два года.

С Гайденко мама проработала всю жизнь, с тех самых пор, когда та трудилась ещё в отделе кадров. Её мама терпеть не могла: Гайденко была непроходимо тупа и невероятно бестактна. Мама даже сменила сим-карту, когда Гайденко завладела её номером: «Это же личная связь, её никому нельзя знать!» Вот и сейчас замдиректора кинулась отчитывать Инну:

– Лер, что, вчера нельзя было «скорую» вызвать?

– Так я вызвала!

– Но поздно!

– Ну, уж если её организм вразнос пошёл!

– Ин, а она тебя вчера позвала, да? – догадалась Людмила Григорьевна. – Моя мама меня – тоже. А то Настя напьётся своих таблеток...

Мама уже пять лет плотно сидела на валосердине (сорок восемь капель по количеству лет три раза в день), андипале и анаприлине. Говорила: «Это – не таблетки. *Настоящие таблетки*, они знаешь, сколько стоят, ого-го!»

Но Татьяна Викторовна, сын которой был законченный наркоман, пошла ещё дальше:

– Ин, а она у тебя во сне умерла, да? Ты её уже мёртвой нашла, да? А заявление ты писала, чтоб не вскрывали?

– Так она же нигде не лечилась! Так что кто знает, может, я её ради квартиры грохнула!

– Значит, её будут мучить! – заголосила Голубкина. – Ой, а тебе ещё платье Насте придётся покупать...

– У меня нет на него денег, – отрезала Инна.

И только на лице девушки лежала тень, – Оксана искренне была опечалена. Ведь они с её мамой дружили. Хотя Анастасия Владимировна считала ненормальным общаться с теми, кто по возрасту годится тебе в родители, и устраивала за это дикие скандалы Инне. Но что позволено Юпитеру, не позволено быку.

Гайденко тоже была озадачена, где взять денег на похороны:

– А ты разве не работаешь сейчас в своей «Горожанке»?

– Нет.

– Но всё равно, Стерлядкин может дать тебе денег с барского плеча.

– Он на работу к одиннадцати приезжает, а сейчас только девять.

Они ушли, а Инна принялась за *смертный узелок*.

Мама рассказывала, что бабушка впервые собрала его уже в пятьдесят лет. И похвасталась, будто к вручению "Оскара" готовилась! Но мама очень сильно её отругала, и бабушка больше ей ничего не показывала.

Инна подумала, что ей, как старой деве, в случае смерти вообще полагается подвенечное платье! А в обычном, или вообще в брюках она во второй раз, что ли, умрёт? Или в ад попадёт?

«Ну, понимаешь, – говорила на это мама, – в белом платье она *там* замуж выйдет!»

И любила рассказывать ужастик, как какую-то девушку похоронили в чужом свадебном платье, которое ей одолжила подруга, потому что другого просто не было. И будто бы священник сказал его хозяйке: «Я не знаю, что вам теперь делать, раз её похоронили в вашем платье!»

В прошлом году мама купила себе у распространителей неплохой летний костюм нежно-жёлтого цвета. Деньги на него она взяла в *кубышке*, за что бабушка устроила ей разнос.

Инна Зернова, тунеядка, происходила из семьи трудоголиков, а вот уже на ней «природа отдыхала». Её дед, Владимир Сергеевич Голицын, до семидесяти лет проработал на хлопчато-бумажном комбинате простым рабочим (он погиб в ДТП, открыв собой череду смертей). На себя он почти не тратился, ходил в рванье, всё копил. У него были голубые сберкнижки и наличность, – зелёные полтинники и жёлтые сторублёвки с Лениным в овальном медальоне лежали между страниц обтрёпанной домашней книги. Дед говорил:

«Денег не дам, а то вы быстро их профукуете!»

Разумеется, что при гайдаровской «шоковой терапии» и «отпуске цен» 2 января 1992 года они с бабушкой, как и вся страна, потеряли *всё*. Но дед по-прежнему работал на комбинате, уже не доверяя банкам. Во время гиперинфляции он не покупал валюту, и все его накопления тут же обращались в пыль. Умирая от несовместимых с жизнью травм, дед повторял:

«Бабка, деньги... деньги Инке...»

Но бабушка наследство трогать не разрешала, хотя и дома его не хранила. Она вложила купюры в военный билет деда, его – в кофейную жестянку («от пожара!»), а ту – в стеклянную банку. Кубышка хранилась под шкафом. Просто как в сказке: игла от Кощеевой смерти в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц тот в большом кованом сундуке, а сундук тот – на сосне высокой.

Деда не стало в 1999 году. Инна сказала, что надо бы обратить сбережения в валюту, пока не пропали при таком президенте, понимаешь, но мать завизжала:

– Давай, беги! Тебя в обменнике «чёрные» ждут!

И дедово наследство в тридцать тысяч рублей расходовалось по капле в течение шести лет, что совершенно немыслимо при нашей инфляции.

Инна взяла оттуда две тысячи, растратив на какую-то ерунду. Но она не знала, что кубышка на подстраховке: в красном билетике, точно в голубой банковской книжке, крошечными циферками был вписан остаток!

Мама Инны как-то влезла в хранилище и не досчиталась этих двух тысяч. Но на Леру даже не подумала, сказала:

– Бабка написать, наверное, забыла.

В последнее время она всё причитала перед любовником:

– Как же хорошо, что мы не тратили этих денег! Их дед всем нам оставил на похороны!
Так деньги нужны живым!

Этот летний костюм мама так ни разу не надела, «берегла», как поколение бабушки.

– Понимаешь, под него нужен каблук!

А вот о хорошей обуви мать уже не могла и мечтать. У неё был тридцать шестой размер, но уже много лет на отечные ноги никакая приличная обувь не налезала. На лето Инна купила матери бежевые босоножки на шнуровке, так на левую ступню-подушку едва шнурка хватило. Это было жуткое зрелище! А осенью мама ходила в жёлтых ботинках на шнурках, и левый весь скукожился от воды и соли!

Этой весной Инне пришлось стать сестрой милосердия, делать матери впитывающие повязки. Она откровенно сказала, что не хочет тратить свою молодую жизнь на сестринское дело. Тогда мать заорала:

– А у других твоих сверстников родители вообще умерли! А Закатову твою, её вообще отчим тр***т!

– Она не моя!!!

Одноклассница Юлия Закатова с Инной не дружила, та не входила в её избранный круг. Она ещё в пятом классе перешла в гимназию. Что же до её отчима (у Закатовой рано умерла мать, переводчик с китайского), то это всё были старые, грязные сплетни. Там что, кто-то свечку держал?

Среди белья долгие годы хранился не востребованным большой моток марли, который бабушка принесла из своей аптеки. Она говорила:

– Марлечка, она ведь на вес золота! Процедить что-нибудь...

– Что ты будешь цедить?! – закричала мать.

Да, домашний творог из скисшего молока они никогда не делали.

Теперь же Инна кромсала моток на бинты, использованные выбрасывала. Но вскоре, как в войну, пришлось их стирать, сушить и проглаживать утюгом.

Всю осень, каждое утро, Инна по часу натягивала маме на ноги её жёлтые ботинки, вечером снимала. Пока мама в ванной стаскивала насквозь промокшие чулки, Инна успевала приготовить рыбу под гавайской или мексиканской смесью, но мама, для которой истина была в еде, ничего не ела. Но вес набирала. И Голубкина, благодаря сыну-наркоману в пятьдесят пять выглядевшая на семьдесят шесть, всё «комплименты» ей отвечивала:

– Насть, ты так потолстела!

Эта неблагодарная свинья не помнила, что когда она голодала и платила наркоманские долги сына, Анастасия Владимировна отдала ей хорошую стиральную машинку, оставив себе древнюю цилиндрическую. Там ещё съёмные валики для отжима белья были, как в мультфильме про кота Леопольда.

Мама всерьёз боялась зимы:

– Влезу ли я теперь в своё пальто?

И вот Инна берёт юбку от этого костюма. Блузка не годится, она с короткими рукавами (и кто всю эту ерунду придумал?). Но Инна подобрала сверкающую, золотую праздничную кофточку с воротничком-ришелье. Никогда её прежде не видела, откуда она взялась?

Хотя контора матери и стояла на отшибе, «коммивояжёры» всё равно проторили туда дорожку. Мама давно стала постоянной клиенткой у продавца колготок, он при входе всегда шутил:

– Где моя любимая женщина?

Как-то он продал ей два жёлтеньких платочка, сказав:

– В церковь в них будете ходить.

И сейчас Инна отложила для мамы более красивый, идеально подходящий по цвету; а бледно-жёлтый, с синей каймой, она оставила для себя. Инна и не думала, что подбор последнего наряда может стать таким увлекательным занятием.

А ещё она подумала: вот придёт распространитель в мамину контору, и снова спросит: "Где моя любимая женщина?" И услышит: "А она умерла..."

Ну а последний штрих – страшные старушечьи чулки кофейного цвета, в резиночку, последняя пара из бабушкиного наследства. Сейчас таких уже не выпускают.

Приехала Надежда Васильевна, и Инна отдала ей весь «ансамбль».

– Это здесь случилось? – кивнула она на постель, где всё было, как после ядерного взрыва. – Хочешь, поедем со мною в загс? – но Инна отказалась.

Она не знала, что занимающийся погребением имеет право на имущество умершего.

Город красиво засахарило снегом, светило уже настоящее зимнее, а не то чахоточное, как в ту страшную пятницу, солнце. Инна подумала, что сегодня она не сможет этому радоваться. А может быть, уже никогда в жизни.

Инна позвонила в видеодомофон, и её без проблем пропустили. Из провинившихся сюда пускали не всех. Заведующей редакцией, Виты Стерлядкиной, дочери главного редактора, на месте не было, вместо неё – Татьяна Булкина, первый заместитель.

Инна не умела вести таких переговоров. Она не могла просить. Ведь не верь, не бойся, не проси. Поэтому она и разыграла целый нелепый спектакль.

– А можно мне от вас в морг позвонить? – спросила Инна. – А то у меня мама этой ночью умерла.

– А у Антоши отец умер!

– Да, – сказал двадцативосьмилетний верстальщик, неприятный внешне парень с синяками под глазами. – Его ещё нужно сюда из Петропавловска-Камчатского перевезти.

«Ну, твой оклад тебе это позволяет, – цинично подумала Инна. – Интересно, а они сейчас по трудовым книжкам работают? Ведь ещё в сентябре всех официально оформить обещали...»

Как известно, в нашей стране для частных КЗоТа не существует в принципе. Стерлядкин откровенно говорил, что в газете осуществил свою детскую мечту – создание собственного государства, где будут действовать его личные законы. У Стерлядкина работала здесь дочь Вита (секретарь, заведующая редакцией и полумойка), молодая жена Белла (корректор), которая на работе вообще не появлялась, но получала десять тысяч. Да и корректировать было нечего, ведь в современном Word Windows есть программа проверки орфографии. Перед сдачей номера всё зачищал лично Стерлядкин, всё жизнь проработавший учителем русского языка и литературы. Он и похож был на маньяка, – лысый, в очках, пузатый.

Никаких договоров здесь никто не заключал, нигде не расписывались. У всех брали только ксерокопию паспорта. Инне Стерлядкин обещал в месяц пять тысяч «с перспективой на десять», но дал всего две тысячи.

– А помочь есть кому? – с искренним участием спросила Булкина.

– Нет. Я её в морге, наверное, оставлю.

– Вы к Эрасту Эрастовичу пришли?

– Нет, позвонить, – упрямо сказала Инна.

Но во Флягино было капитально занято, и Инна ушла. Она успела переставить сим-карты в салоне сотовой связи, перейти Старый мост, как ей позвонила Татьяна Яковлевна:

– Инна, Эраст Эрастович просит вас зайти.

– Пройдёмте, – царственно велел Стерлядкин.

«Неужели мы сегодня без свидетелей говорить будем?» – подумала Инна.

Эраст Эрастович оказался одним из тех, кто совершил грех, отвратив Инну от православной веры. Восточная стена его кабинета напоминала храмовый иконостас, – впрочем, образа здесь просто органично вписывались в дизайн.

«Вас, Инна Павловна, мучают бесы, – говорил Эраст Эрастович.– Мы вас исповедуем и причастим».

Но ему не давала покоя личная жизнь Инны, которой просто не было! Никогда не было. Она же оставалась старой девой, чем очень гордилась, считая себя выше других. А Стерлядкин не давал ей проходу:

– Как у вас там, Инна Павловна? – каждый день спрашивал он.

Сорокадвухлетняя разведёнка Татьяна Кабанова, наборщица текстов, его не интересовала, испитая, опухшая Булкина предпенсионного возраста – тоже. Их звали одинаково, они жили в одном доме, в одном подъезде, и носили, не снимая, одну и ту же одежду!

Инна знала, что сплетники приписывают ей внебрачного ребёнка, которого она где-то прячет. Ещё её считали «одноразовой», на одну ночь, – потому что никто и никогда не видел её с парнем.

– А давайте мы, Инна Павловна, вам объявление о знакомстве в газете дадим! – не отставал Стерлядкин.

Инна втайне мечтала найти себе здесь какого-нибудь молодого, симпатичного предпринимателя, – редакция располагалась на территории крытого рынка, газета распространялась бесплатно по ящикам, и её выпускал владелец холдинга. И её мечта чуть было не сбылась самым уродливым образом: озабоченный Стерлядкин стал подкладывать её под Царёва, владельца нескольких магазинов: «Жена не стенка, подвинется!»

Его слова, активного православного христианина, что-то разрешали.

Кончилось всё это плохо. Инна сказала:

– У вас ко мне какой-то нездоровый интерес.

У Стерлядкина стало обиженное лицо ребёнка, которого подло ударили:

– На первый раз прощаю. Но я могу вам запретить приходить сюда!

А в конце рабочего дня состоялся суд-тройка:

– Инна, вас просит зайти Эраст Эрастович, – пригласила Булкина.

Она ни о чём плохом не подумала.

В кабинете главного редактора столы были составлены буквой «Т». Стерлядкин восседал как на троне, только скипетра с державой не хватало. Одесную – Юрьев из отдела распространения, ошую – Булкина. А может быть, он и впрямь чувствовал себя Богом-Отцом?

– Егор Александрович, Татьяна Яковлевна! – высоким бабьим голосом начал Стерлядкин. – Сегодня после обеда я потерял покой! Инна Павловна сказала, что у меня к ней «нездоровый интерес»! И я хочу сказать сейчас при свидетелях: мне, кроме моей Беллы, никого больше не надо, я уже старый и лысый! Меня все знают как примерного семьянина! Да если мне какая-нибудь двадцатипятилетняя даже и заплатит, я её всё равно тр***ть не буду!

Инна была в шоке. Знать бы заранее, где ты упадёшь! Он её со своей Беллой перепутал. Когда Стерлядкин подкладывал её под Царёва, он ставил свою еврейскую шлюху Инне в пример: «Мне было сорок шесть, а ей двадцать один, я был женат, но моя Белла сказала мне: «Ты мой!»

– Так что в понедельник сюда, Инна Павловна, больше не приходите. А если вы будете здесь сидеть, то я этот стол на помойку выброшу!!! – тут его голос сорвался на визг. – Почему у вас должно быть здесь рабочее место? Ни у Прозоровой, ни у Кондаленко нет здесь своего рабочего места! – Но до этого Стерлядкин сказал Инне, что платит ей по факту выхода на работу. – Я специально позвал сюда Егора Александровича и Татьяну Яковлевну, чтобы вы в очередной раз не обвинили меня в попытке изнасилования! Вы при дочери моей сказали, что я к вам пристаю!!! – как баба голосил Стерлядкин.

И Инна в который раз подумала: а не педераст ли он? Неужели у него хватает сил на молодую еврейку? Может быть, у него с ней – просто договор, ширма для его истинных склонностей?

Белла, которую Инна так и не увидела, была уже третьей женой Стерлядкина, Вита – дочерью от второго брака. От Беллы у Стерлядкина было двое щенков, Ефрем и Кирик. Он будто всем болезненно доказывал, что он – "натуральный", что он – может. А мама Инны восхищалась Стерлядкиным, что он, в отличие от её первого мужа, бросая своих жён, не забывал про наследников. Светская хроника этой семейки, как и где мама Белла лечила зубы, надевала детям резиновые сапожки, ходила к гинекологу до того всем осточертела, что конкурирующая фирма, другая бесплатная газета, "Городская правда", нарисовала карикатуру, где Стерлядкин еле удерживал связку из пяти шавок: «Мне четырёх щенков надо кормить, и одну сучку!»

Стерлядкин плакал: "Эта Назарова, которая не родила в своей жизни ни одного ребёнка!.. А я воспитал и вырастил четырёх детей!.."

– Я, вообще-то, вначале подумал, что она шутит, – сказал Стерлядкин, – а потом смотрю, а неё на лице ухмылка такая злобная! Она хотела разрушить мою семью! Я вас теперь боюсь, Инна Павловна! Я проанализировал всё то, что она сказала сегодня, и понял, что её опасно оставлять в нашем коллективе. Она сказала сегодня: «Я – человек жестокий!»

– Да не было такого!!!

Инна не могла поверить, что всё это происходит с нею не во сне, а в реальности.

– А ещё она сказала: «Я ничего не боюсь!»

А вот это Инна и вправду сегодня прибавила для связки слов, но она боялась много чего: врачей, больниц, ходить через понтонный мост через Клязьму, что умрёт её мать, и она, Инна, останется совсем одна.

– Инна нарушила субординацию между начальником и подчинённым, – решила выслушаться Булкина.

– А об этом, Татьяна Яковлевна, я вообще молчу!

– Кто вам в ваши двадцать пять лет что плохого сделал? – прорычал доселе молчавший Юрьев.

– У меня уже умерла вся семья.

– Ну и что? – рявкнул Юрьев.

У Инны не укладывались в голове их отношения. В начале августа у Юрьева был день рождения, и Стерлядкин, поздравляя его, и подарив электрическую грелку для ног, при всех троекратно поцеловав в губы. Инну чуть не вытошнило. Стерлядкин с Юрьевым целовались и на встречах кандидатов в депутаты, и в администрации города. И Инна не могла смириться, что не в распутной Москве, а их рабочем городке, полном православных церквей, может быть гомосексуализм!

Приставал он и к верстальщику. Всех подчинённых, кроме своей дочери, Стерлядкин звал на «вы», по имени и отчеству или господами, а Антона Мирончука – тоже на «вы», но Антошей. «Какой он тощий! – ревниво, визгливым бабьи голосом, говорил Стерлядкин. – Таких бабы любят!»

– А мама жива? – вполне по-человечьи спросил Стерлядкин. – Если мама жива, тогда всё нормально.

– Так она больная вся, – купилась Инна, вспомнив грязные бинты, трофические язвы и отвратительный запах. Запах разложения заживо.

– У всех нас мамы больны! – отрезал Стерлядкин. – А у меня к вам, Инна Павловна, всегда был *здоровый интерес*. Поддержать талантливую журналистку. Мы приняли вас, как родную. Вы получили за две недели две тысячи рублей! – заголосил он. – А вы пришли в мой дом и стали наводить свои порядки! Вы осквернили мой дом! У вас с языка сорвалось клише! Меня все знают как примерного семьянина, а вы молодая шлюха! Вы – провокатор!!! Чтобы духу вашего здесь не было! Даже иконы ваши – убрать!!!

Эх, при царе за «слово не воробей» на каторгу в кандалах отправляли, на Соловки и Колыму.

На прощанье Стерлядкин пообещал, что её «зарплата сохраняется». Но, конечно, обманул.

В середине ноября дочь-секретарша поздравила её с днём рождения, пригласив в офис:

– Что это вы к нам не заходите?

Вита была младше её на восемь лет, они были на «ты», но так игрались.

Инна на радостях купилась. Никаких подарков её не ждало, Стерлядкин приподнёс ей общение с собой! Он совершенно классно унизил её, сказав:

– Татьяна Михайловна, пройдёмте. А то Инна Павловна опять скажет, что её хотят изнасиловать.

Инне бы развернуться бы и уйти, ан нет, в её характере было так много рабского! А Стерлядкин опять стал её провоцировать:

– Есть правда жизни и правда момента. Вот идут муж с женой ругаются. Это – правда момента. Но после у них будет жаркая ночь! Как у вас с этим, Инна Павловна?

– А у нас квартира холодная, угловая.

– Вы дали нам материал про воробья, – вспомнил Стерлядкин. – Но нам он не понравился. С червоточинкой. Тогда мы решили, что мы ошиблись, и показали вашу рукопись другим людям, но им он тоже не понравился. Так что про воробья мы печатать не будем.

Это была просто травля. Никто здесь не пошёл бы против Стерлядкина, никто не признался бы, что считает иначе, чем он.

А в принципе, кем он был, как не основателем секты?

– А где вы сейчас работаете, Инна Павловна? – с циничной издёвкой спросил главный редактор.

– Нигде.

– А на что же вы живёте?

– Ни на что.

Вот поэтому Инна и удивилась: надо же, сегодня без свидетелей.

– Сколько ей было лет? – строго спросил Стерлядкин.

– Сорок восемь.

– Да, рано. Молодая женщина. И с кем же вы остались?

– Ни с кем. Я – одна.

Инна стала рассказывать, как это было, но Стерлядкин оборвал её ледяным голосом:

– Всё, хватит. Не надо мне больше об этом рассказывать.

В его «высоком кабинете» была ещё одна смежная комнатка. Главный редактор вынес оттуда пять тысяч рублей:

– Отпевайте. И гроб забивайте в храм! – велел он. – У вас на сегодня очень много дел!

Вошла Булкина:

– Эраст Эрастович, к вам – Жерехов.

– Татьяна Яковлевна, – разорался Стерлядкин, – представлять посетителя всегда нужно полным именем. Иначе все будут думать, что я – неграмотный.

Пришла Надежда Васильевна, принесла свидетельство и справку о смерти. И Инну разодрало грязное любопытство: от чего умерла, от чего? От диффузного мелкоочагового кардиосклероза.

И тут Инну прорвало, она разрыдалась. Лазарикова по-матерински прижала её к себе. Она была старше её мамы на четыре года, но выглядела шикарно: белая короткая куртка, стрижка, укладка.

Мама рассказывала, что у Надежды Васильевны в Фергане был роскошный дом с фруктовым садом. Когда они приехали сюда, то вчетвером снимали комнату-десятиметровку. Но им удалось хорошо устроиться и в России.

В семь вечера Инна позвонила из автомата у Старой почты. К её огромной радости, Зинаида Фёдоровна уже вернулась из Ивановской области.

– Можно к вам прийти? – спросила Инна.

Можно.

– Как твои дела, Инночка?

– Маме сегодня ночью умерла.

– Моя мама тоже ночью умерла. Давай я тебя покормлю.

Девятнадцатилетняя дочка Зинаиды (она просила называть её так), Илонка, была на учёбе в Тульской области. В этом году она окончила педучилище в Ногинске, собиралась работать в их с Инной школе, но так и не сдержала своего обещания.

Хозяйка налила Инне тарелку щей. Вошёл её бывший муж, Виктор Степанович, с которым они проживали в одной квартире, увидел гостью и остался недоволен. Но Зинаида сказала:

– Вить, надо покормить человека. У неё сегодня мама умерла, а в мае – бабушка.

А потом они прошли в маленькую комнатку, где Зинаида жила с дочкой. Там просто чудесным образом помещалось и пианино, и детская стенка, и две кровати, и журнальный столик с двумя креслами, и тесно не было! И Зинаида помолилась за Инну по своему обряду:

– Господи, благослови Инночку, ты же видишь, как ей сейчас тяжело...

В глубине души Инна надеялась, что хозяйка предложит ей переночевать у неё, но этого не случилось. А навязываться она не стала.

Инне оставалось только пойти к тётке Тане Ковровой и забрать у неё деньги. В августе мать сдала квартиру каким-то непонятным людям с фабрики тёти Тани, и та теперь передавала арендную плату. Обычно она сама приносила им деньги, а сегодня почему-то не пришла.

Тётя Таня тоже спросила, как дела, и Инна, поколебавшись, всё-таки сказала, что случилось. Коврова остолбенела и дала Инне от себя лично тысячу рублей.

– А этим мы пока ничего не будем говорить, – решила тётя Таня. – А то вдруг они решат, что их теперь выгонят. Ты, если что-то у тебя случится, обращайся ко мне.

Она словно бы пророчествовала, что ничего хорошего в жизни Инны уже не будет. Только голод, болезни, наезды бандитов. И Инна холодно сказала:

– Спасибо, конечно, но я никому не хочу быть обязанной.

Инна знала, что Коврова – гадкая сплетница. Она передавала бабкам на лавочке абсолютно всё, что узнавала. Она же и рассказала потом квартирантам, какая же Инна гадина, – совершенно спокойно, без слёз и истерик, и резания вен, сообщила ей о смерти своей матери!

Тётя Таня тоже не предложила ей остаться. Да, она жила в тесной однокомнатной квартире без чулана и балкона вместе с мужем Сергеем Ивановичем, но Инну устроил бы коврик у двери, лишь бы ей быть среди людей. И она вернулась в свой ад.

Она не спала почти двое суток, и сейчас это сказывалось. Инне казалось, что у неё сейчас разорвётся голова. Она встала, как сомнамбула, и безуспешно попыталась найти свидетельство о смерти отчима.

Инна легла спать, но просыпалась каждый час.

Глава 3. Закопают – станет легче

В девять утра Витя повёз её в похоронную фирму, что напротив травмпункта, где Инна в который раз сидела и заполняла какие-то квитанции. Деньги, полученные вчера за хату, улетели то ли на гроб, то ли на копку могилы. В этом царстве Безенчука тоже стояли выставочные гробы, – расписные и лакированные, как шкатулки. А точнее, в «Нимфе», где было несколько владельцев, а у Безенчука – индивидуальное предприятие. Сейчас бы они назывались ООО «Нимфа» и ИП Безенчук.

Ещё Никодимов сказал:

– Инночка, давай съездим к нотариусу, узнаем, что там и как.

Инну всю затрясло:

– Нет!!! – закричала она.

Инна Зернова не хотела принимать наследство, становиться собственником. Это был последний гвоздь в гроб её одиночества. Сегодня Анастасия Владимировна должна была получить в нотариальной конторе свидетельство о праве собственности, но вчера она умерла.

Инна подумала: а не сократил ли Стерлядкин жизнь её матери хотя бы на месяц?

Пока она работала, мать сидела в отпуске. За все двадцать четыре дня она так и ни разу не вышла на улицу, и это было страшно.

С графиком и «Горожанке» было непонятно, то ли ходить, то ли не ходить. Свою работу она могла бы выполнять и дома, но Инна всегда хотела быть среди людей.

Когда ей запретили появляться на работе, Инна матери ничего не сказала. Та её живём бы съела. Каждый вечер, когда Инна возвращалась с работы, Анастасия Владимировна спрашивала заискивающе:

– Тебя не выгнали?

И накаркала!

Так прошли август, сентябрь. Мать денег не спрашивала, говорила:

– Ты их не трать, копи на установку телефона. Ты даже можешь оформить его на себя!

И вот в октябре, на ночь глядя, мать объявляет:

– Завтра мне к нотариусу, дашь мне денег.

Это был конец света. Инна, может быть, и выкрутилась бы, но третьего дня Никодимова скрутила ДПС за «остаточный алкоголь». Выкупить права стоило шесть тысяч рублей. Мама позвонила и велела отдать Никодимову в долг все деньги, которые есть в доме (ведь без его машины она не смогла бы попасть на работу). И Инна наскребла из кубышки, и остатки их с матерью зарплат.

И она пожелала матери умереть ночью, только бы с утра она её не терзала. Инна ворочалась, просыпаясь каждые полчаса. И она придумала сказать, будто бы отдала их займы Вите на салон красоты, – та целый месяц трещала: "Мне химию себе сделать или матери подарок купить? Всё, иду записываться на химию!"

Утром мать ласково позвала её. Инна беспомощно достала из кубышки оставшуюся мелочь, пролепетав:

– Всё, больше ничего нет.

– Где деньги?!! – закричала мать.

– Я дала займы.

– Кому? Г*** ты!

Этот день Инна сочла самым страшным в своей жизни. После обеда она пошла в «Горожанку». Бог знает, что ей это стоило! Инна понимала, что «пособие» ей никто платить не станет, но она же заработала что-то в августе. Только депонента не вышло.

– Вы прекратили к нам ходить, – заявил Стерлядкин, – поэтому мы перестали включать вас в зарплатную ведомость. Теперь мы перевели вас с зарплатной на гонорарную основу. Вам просто поменяли график работы, а вы перестали работать.

– Хорошо, но в августе-то я работала.

– Двух тысяч вполне достаточно, – хмыкнул Стерлядкин. – И не такая уж вы и бедная, если ходите в кожаной куртке!

Эту куртку она носила одиннадцать лет, с восьмого класса.

Инна ждала возвращения матери, как приговорённый к смерти – палача.

Для оплаты госпошлин мать, как бухгалтер, смогла выписать себе аванс. И началось традиционное гестапо:

– Скотская рожа, где деньги? Кто вообще знает, что у тебя есть деньги? – чётко, как эсэсовка, выговорила мать.

– Ну... все знают.

– Кто эти «все»?

– Ну... на работе.

На самом-то деле в «Горожанке» все её знали и презирали как нищелюдку.

– А может быть, – задыхнулась от ненависти мать, – ты вообще всем рассказываешь о том, что у нас есть?!!

А что у них есть? Пара «Бентли», недвижимость на Адриатике? Это Анастасия Владимировна расписывала всей бухгалтерии, что бабушка при жизни не перевела её долю в квартире на себя. «Насть, мать тебя – не любила! Ей было достаточно у нотариуса заявление написать. И как ты теперь будешь в очередях стоять с таким здоровьем?» – «Я знаю».

А мать всё больше и больше заглатывала бездна ненависти:

– Это вообще не твои деньги, они мне нужны! – То же самое говорил и Стерлядкин. – Я же слышала, как ты всю ночь не спала, ворочалась! А когда я просила тебя купить мне крем на козьем молоке, а ты так и не купила, я сразу поняла, что денег у тебя не было!!!

Её воспалённый мозг отчего-то решил, что Инна такая добрая, что дарит каким-то таинственным «друзьям» крупные суммы. А ей просто ничего не платили, вот она и врала всё время.

– Я даже знаю, кому ты их отдала!!! – кричала мать.

Инна подумала, что она говорит о Стерлядкине, но она вешала всех собак на несчастную Илону Протасову, которой вообще теперь не было в области! Но её единственные друзья никогда не спрашивали с неё никаких денег, Зинаида, наоборот, приглашала то на празднование столетия своей любимой религии в России, то на венчания по их обряду в Восточную церковь, предлагая безвозмездно оплатить дорогу!

Инна считала, что ни по закону, ни по морали она уже ничего не обязана докладывать матери. Но та истязала её, где она бывает вечерами, и Инне пришлось соврать, что она встретила на площади девочку Илону, с которой они учились в одной школе. Можно сказать, что она дружила и с матерью, и с дочерью, но всё-таки Илоне были куда ближе подружки-сверстницы. А мать дико ревновала и, по своему обыкновению, поливала грязью людей, которых она совсем не знала.

– Где деньги?!! – как буйно помешанная, орала мать. – И куда же ты их дела? Десять тысяч – это очень много. Даже если ты компьютер на работе испортила, с тебя бы столько не взяли.

И вдруг – словно лёгкий прохладный ветерок в жару, словно кто-то её успокоил: эта травля – последняя, больше так уже никогда не будет.

– Знаешь что, Ин, – мать задыхалась в своей ненависти, уже не зная, что ей придумать. – Я не буду тебе бабкину квартиру подписывать, ты всё промотаешь! Я оставлю её Виктору Владимировичу. Где деньги?!!

И тогда Инна пообещала, что обо всём расскажет завтра. Потому что вдруг ночью мать умрёт, и каяться уже ни в чём не нужно будет?

Но в эту ночь мать не умерла. Настало солнечное осеннее утро, которое мать взорвала, испоганила своим маниакальным криком:

– Ну и где деньги?!!

За ночь, чуть успокоившись, Инна отредактировала свою покаянную речь, а то она уже весь этот бред собиралась рассказывать, что она-де покушалась на мужскую честь примерного семьянина Стерлядкина. Матери вся эта мерзость будет поводом для очередных издевательств. Поэтому Инна представила всё так: ей заказали предвыборный агитационный материал, но этот кандидат не прошёл, вот её и наказали рублём. Это было куда правдоподобнее истинному положению вещей, и мать поверила.

– Вот будешь теперь знать, как в «комках» работать! Ну, сколько бы ты меня ещё обманывала? – уже сладенько пропела она. – Надо было вчера сказать: «Мам, у меня нет денег!»

Но Инна вспомнила, как отчим однажды сказал:

– Насть, что ты делаешь? Инка всё время врёт, потому что знает, что *будет такое*, что лучше домой не приходиться.

– Ха, так я же всё равно узнаю! – самонадеянно заявила мать.

– Ну и что? Пусть хоть на несколько дней гроза отойдёт.

Когда Инна ещё только начала работать, мать всё допытывалась:

– А заявление ты писала? А трудовую у тебя взяли? Я спрашиваю, чтобы тебя там не обманули!

И Инна врала: да, всё оформили по высшему классу. Очень уж ей хотелось там работать. Как ни странно, мать ни разу не спросила про свой любимый медицинский полис, которым сама никогда не пользовалась, – она ещё при жизни несчастной Марины Павловны сделала ей фальшивый, будто бы Инна работает у них секретарём. А Инне было запаadlo иметь такой зелёный «аусвайс».

– А вдруг глаз, нос, ухо, аппендицит? – причитала мать. – Мы больничный по этому полису брать не будем, он нам не нужен! – успокаивала она себя.

Вот так на два выходных они стали просто подругами. Но Инна чувствовала себя ужасно, как будто она голая, или с неё содрали кожу. Дружить с её матерью – это же противоестественно!

Кладбище Леонтьевка было закрытым, разрешались лишь родственные захоронения. Новое место давалось на два человека. На одном участке покоились бабка с дедом, на другом – отчим.

Деду, чтобы в мае положить с ним бабушку, пришлось совершенно по-свински снести столик и лавочку, установленные ребятами из его цеха. Маму можно было похоронить вместе с мужем, но Инна так и не смогла найти свидетельства о его смерти, хотя точно знала, что оно цело и невредимо.

Пришлось идти в архив отдела загс, платить штраф в двести рублей. Но по дубликату хоронить было нельзя, надо было получить на это разрешение в районной администрации и почему-то в Комитете по ЖКХ.

В нужном им кабинете сидел импозантный, моложавый мужчина, с русыми кудрявыми волосами, без пиджака, в шерстяной жилетке. Еврей. Он отбивался по телефону от проблемы опоздавшего снегопада и гололёда:

– Я сам хожу там каждый день на работу, там хорошо посыпано... Да, представьте себе, хожу пешком! Я вообще из другого города, из Флягино. Понимаю, бабушка неосторожно шла. Так мне самому уже не семнадцать лет, молодой человек! Там хорошо песком посыпано. Щёлок – это же не десять метров, а восемьдесят гектар!

Валерий Николаевич вежливо предложил им присесть. Никодимов объяснил, какое решение им нужно получить.

– Кто у вас умер? – участливо спросил чиновник.

– Мать, – хрипло сказала Инна.

– Не «мать», а «мама», – поправил её Валерий Николаевич.

И завизировал.

На улице дядя Витя сказал:

– Инночка, нам нужно торопиться, а то у них, на кладбище, обед по два часа.

В Комитет вели очень крутые ступеньки. Из кабинета вышла дородная, хорошо постриженная дама в вишнёвом брючном костюме и довольно любезно всё подписала.

– Хоть бы печать какую для приличия поставили, – попытался пошутить дядя Витя. – Конечно же, по дубликату хоронить нельзя! А то брат его какой-нибудь объявится и скажет: я тоже рядом с ним лежать хочу!

У отчима и вправду был старший брат в Забайкалье, Стаканов Юрий Иванович, от которого не было никаких известий, и мама считала, что он давно умер.

Они сели в фиолетовую «шестёрку» и помчались на химзавод, где загрузились Гайденко и Голубкина. Первая стала поучать Инну, как ей жить дальше:

– Пойдёшь в Центр занятости населения и встанешь там на учёт. У тебя будет идти трудовой стаж. Тебе дадут жилищную субсидию. От нашего государства нужно взять всё!

В этом году Гайденко пошла на пенсию. Мама рассказывала:

– Представляешь, у Людки зарплата – восемнадцать тысяч, а она отстояла в соцзащите очередь, чтобы получить бесплатный проездной! А он ей не нужен, у её сына – джип, который ему её любовник купил, и её саму на работу и с работы на машине возят!

Вот такое крохоборство и называлось у Гайденко «взять от государства всё!»

– Ни на какую биржу я не пойду, – отрезала Инна. – Я – не попрошайка. Ходить, унижаться...

– А пенсия! – вскрикнула Татьяна Голубкина. – Люд, это же минималка!!!

– А может быть, а ещё до пенсии сто раз подохну?

Это был один из приколов её матери, которая на вопрос “How do you do?” запросто могла ответить: «Сдохнуть бы поскорей!», или «Всё равно подыхать!». А Бог учитывает наши хотения.

Людмила Григорьевна сказала:

– Ин, ты говоришь ерунду. Да, мама болела, и поэтому была в депрессии. Но ты ещё молодая девочка, ты должна замуж выйти, детей рожать!

И почему все всегда решали за неё? Да не любит Инна детей! У самой же Гайденко было двое: тридцатипятилетняя Алла и двадцативосьмилетний Мефодий. Алла работала в администрации начальником отдела, получала уже третье высшее образование, полиграфическое. Мефодий закончил МГУ, экономический факультет. И оба они до сих пор не встали на половой учёт.

Видно, что Гайденко страшно боялась, что Инна теперь попросится к ним на работу. Но та совершенно не собиралась столь обременять их комбинат. И, это притом, что идти работать к ним в глушь, за копейки, никто не хотел! Зарплата там всегда была ниже прожиточного минимума, об этом даже в районной газете на передовице писали! На комбинате поварами и судомойками работали психически больные люди, умственно отсталые, алкашня, и прочие отбросы общества. Такие были понятия у начитанной Анастасии Владимировны: «элита», «высшее духовенство» и «отбросы общества».

– Я же столько раз говорила Насте, что нужно получать инвалидность! – вновь застонала Голубкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.